

ПРОБЛЕМА ВЕРИФИКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКТОВ

Я. Г. Риер

(Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»,
кафедра всеобщей истории)

В современных публикациях прослеживается тенденция к вольному изложению и трактовке исторических фактов. Задача историков – не только стоять на страже точности, но и объяснить, как формируются адекватные знания о прошлом.

В нашей жизни все имеет свое начало. И грядущее начинается уже сегодня, оно развивается из того, что есть теперь. А то, что существует в наши дни, возникло из предыдущего, недавнего и более отдаленного. И так – по цепочке – мы приходим к необходимости познавать прошлое, причем не только близкое, но и удаленное на века и тысячелетия, вплоть до истоков человечества. В этом познании и состоит главная задача истории как науки. Но прошлое безбрежно по количеству фактов и их взаимосвязей. Все познать невозможно. Как определить достойное внимания?

Конечно, в прошлом нельзя найти буквальные ответы. Поэтому обращаться к прошлому должны специалисты. *«Вопросы к прошлому задают все, но существуют правила и ограничения, в которых хорошо разбираются именно профессиональные историки... – профессионалы такого диалога»* [1]. Но и профессионалы не единообразны – они строят не ходят. Они подходят к прошлому со своими взглядами на мир, со своим мировоззрением. Конечно, у историков оно формируется на основе их знаний. Но ведь они живут не в башнях из слоновой кости – воспитание, окружение, повседневные интересы тоже на них влияют. Поэтому и к прошлому они могут обращаться по-разному.

Волгоградский историк И. И. Курилла использовал сравнение из геометрии: есть «объемный предмет сложной формы. Мы его спроецировали на одну стенку, получили круг, на другую – квадрат. Работа историка – это в каком-то смысле проекция, мы стараемся приблизиться к объемному взгляду, но в любом случае к этому идеалу можно стремиться, но он никогда достигнут не будет, потому что мы еще не знаем всех возможных проекций этого сложного предмета». И далее: *«всех фактов учесть невозможно. Так или иначе, производится какой-то отбор фактов из каких-то дополнительных соображений... Источники отбираются исходя из того, что может помочь ... ответить на этот вопрос. И в этом смысле, конечно, игнорируется все то, что с точки зрения историка не дает ответа. Здесь действительно могут потеряться какие-то важные свидетельства»* [2]. Ведь события, как заметил Бродель – «это пыль», даже великие события. Они не обретают смысла, пока мы не можем включить их в исторический контекст [3, с. 152]. То есть понять их причины и взаимосвязи. А для этого необходимо и умение догадываться – то есть интуиция [4, с. 52]. В этом изучение истории приближается к искусству. Что еще более усложняет работу исследователя, хотя и делает ее чрезвычайно увлекательной.

Но, чтобы история не превращалась в беллетристику, интуиция не должна отрываться от фактов. Они – основа. Факты встраиваются в выяснение причин их появления. Затем исследуется развитие этих фактов и их превращение в новые события и явления, то есть устанавливаются причинно-следственные связи. Из фактов и событий создаются взаимосвязанные цепочки. Переплетение множества таких цепочек образует исторический процесс, понимание которого – конечная задача историков [5, с. 196–199]. Так познается логика истории, ее законы. Только на этой основе могут создаваться адекватные картины прошлого, то есть его реконструкции [6, с. 87–88]. И если конкретная реконструкция получает признание у специалистов, то ее можно считать научной.

Так происходит отбор исходного исторического материала для изучения. Обновление вопросов к прошлому происходит постоянно, что и делает историю динамично развивающейся наукой. Но ее изучение усложнено проблемой исходных данных – источников: чем древнее эпоха, тем меньше о ней свидетельств, а те, которые доступны, страдают неполнотой. Поэтому ученым многое приходится додумывать, реконструировать, что ведет к множеству суждений и теорий. Но тогда историческое исследование превращается не только в изучение совокупности исторических фактов, но их интерпретацию, предполагающую объяснение причинно-следственных связей между фактами в рамках определенной концепции. Это порождает субъективизм, что, однако, неизбежно. История – «продукт деятельности историка, а не простое отражение объективной реальности» [7, с. 329]. Или, как заметил последователь Люсьена Февра, Фернан Бродель, история – это сон историка.

Другая проблема истории – неполнота источников и отсутствие возможности проверить выводы опытом, экспериментом. За это представители естественных наук часто упрекают историков. Мол, истори-

ческие представления, знания о прошлом невозможно доказать; ведь нельзя адекватно их воспроизвести. Популярны ныне исторические реконструкции ведь всего лишь игра, иллюстрация событий. Да, проблема такая существует. Но она решается многократными проверками источников, их сопоставлением. По одному известию или находке выводы не делаются. Собираются многие данные из разных мест, сравниваются. Археологи, например, опираются на серии артефактов с разных памятников и территорий. Для письменных источников проверяется их достоверность; например, степень осведомленности авторов текстов (очевидец, современник или же хронист, писавший о прошлом с чужих данных). Частные оценки обсуждаются в дискуссиях. В итоге отбираются лишь такие суждения и выводы, которые не содержат противоречий и признаются большинством специалистов. Но при этом подразумевается, что новые данные, если они появятся, могут изменить прежние выводы. В такой конкуренции идей происходит постоянное уточнение исторических представлений.

В нашей историографии такое многоголосие еще не очень распространено. Ибо советские историки были приучены работать в рамках одного «единственно верного учения» – догматически и упрощенно понятого марксизма. Такой подход уже цитировавшийся современный российский медиевист П. Ю. Уваров назвал *манхейским*: «Убежденность в том, «что правда всегда одна», свойственна и большинству постсоветских историков... Точка зрения может быть либо правильной, научной, либо неправильной, ненаучной. С ней даже и бороться не следует, ее проще просто игнорировать» [8].

Но без разномыслия и дискуссий нет развития. Как заметила французский социолог Кристин Марсан *«цель науки в том, чтобы предлагать позитивную критику вклада предшественников»* [9]. Обновление – свойство любой науки. И естественнонаучные знания также постоянно пересматриваются. Например, неделимый для древних греков атом уже, как известно, далеко не таков. А поиски действительно элементарных частиц никак не останавливаются... **Думается, критерием точности, соответствия исторических построений тому, что действительно происходило в прошлом, могут считаться логически непротиворечивые связи с современными событиями, о которых мы располагаем достаточно полной информацией.** Как заметил востоковед Л. Б. Алаев *«историк лучше понимает изучаемый им период, если он знает, чем дело кончилось»* [10, с. 51, выделено мной. – Я. Р.].

Литература

1. http://polit.ru/article/2014/12/04/interview_gippius/
2. <http://polit.ru/article/2014/07/12/kurilla/>
3. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн. – СПб., 2001.
4. Валлерстайн, И. Миросистемный анализ: введение / И. Валлерстайн. – М., 2006.
5. Кульпин, Э. С. Социоестественная история – ответ на вызовы времени / Э. С. Кульпин // Историческая психология и социология истории. – 2008. – № 1.
6. Вен, П. Как пишут историю / П. Вен. – М., 2003.
7. Уваров, П. Ю. История историка. Думают ли историки? А если думают, то зачем? / П. Ю. Уваров // Одиссей. – 2003.
8. <http://magazines.russ.ru/nz/2007/55/sb5.html>
9. <http://inosmi.ru/world/20150719>
10. Алаев, Л. Б. «По последним данным разведки мы воевали сами с собой» (к вопросу об основном противоречии нашей эпохи) / Л. Б. Алаев // Восток. – 2002. – № 4.